

Международное право в эпоху перемен

Люди разных профессий рассказывают эту шуточную историю по-разному. Вот как она звучала бы из уст юриста. Заспорили однажды собравшиеся на большой форум, чья профессия самая древняя. «Конечно же, наша, – заулыбались ночные бабочки и журналисты, – это все знают». Однако с ними не согласились хирурги, напомнив, что только благодаря им на Земле появились женщины. «Ну, что вы, – вступили в разговор архитекторы, – сначала по дизайну одного из наших братьев из хаоса нынешний космический порядок был построен». Тут участвовавшие в форуме военные и политики расхохотались, намекая, что первоначальный хаос именно они организовали. Однако последнюю точку в споре поставили юристы, заявив, что хаос все равно по тем правилам, которые они установили, состоялся[1].

– Droit international à l'époque du changement

Уроки последних юридически безупречных экономических кризисов

Шутка на 100% справедливая. Первый глобальный финансово-экономический кризис состоялся в полном соответствии с действующим правом – национальным и международным. Вполне легитимно и оправданно применив законодательство о банкротствах, когда его нельзя было применять, американцы, может, и допустили оценочную ошибку, но ни в чем не поступились нормой права. Оказалось, что напрасно. Последовал эффект домино[2].

Политика жесткой экономии была использована ЕС для того, чтобы вывести регион из кризиса суверенной задолженности. Тем не менее, чуть ли ни повсюду она продолжала расти. Социальные издержки избранного курса, особенно на периферии ЕС, оказались очень тяжелыми. Политика жесткой экономии спровоцировала рецессию. Она вызвала падение жизненного уровня. Породила миллионы безработных. Феномен потерянной молодежи. Утрату веры в будущее. Стремительное и повсеместное распространение евроскептицизма. Взлет популистских, крайне правых и левых движений. Практический дефолт Кипра и Греции и т.д.[3]

Но и политика жесткой экономии ни в чем не была выдуманной от балды или взятой с потолка. Она явилась выражением вполне логичной и последовательной установки на выполнение Пакта стабильности ЕС, достижение установленных им нормативов: по потолку объема суверенной задолженности и бюджетного дефицита. Причем в одних случаях жесткая экономия дала сказочный эффект – как, например, в Германии (но при совершенно другой экономической конъюнктуре в мире и в ЕС). В других отбросила национальные экономики на десятилетия назад – как в Греции и в меньшей степени в Португалии[4]. Более того, по признанию Международного валютного фонда, который первоначально настаивал на следовании политике жесткой экономии особенно бескомпромиссно, а за ним и других международных структур, в ее основу (значит, и в основу Пакта стабильности) были положены сомнительные, плохо выверенные, а, попросту говоря, ложные эконометрические данные и модели, которые, непонятно почему, все в какой-то момент провозгласили истиной в последней инстанции[5].

Множить примеры нет необходимости. Перейдем сразу к выводам. (1) Позитивистский подход к праву не работал в прошлом. С ним были связаны чудовищные политические, социальные, человеческие издержки. Он является спорным и сегодня. Отнюдь не все, что облачено в форму права, является вследствие этого единственно правильным и идеальным[6]. (2) Точное, строгое и последовательное применение нормы права (если связи между ней и требованиями морали, нравственности и высшими ценностями права по тем или иным причинам оказались разорванными) в реальной жизни может наносить трудно поправимый ущерб. Потому что норма права всегда субъективна. Она результат выбора. А выбор, как показано выше, бывает ошибочным[7]. (3) В разной культурной и социально-экономической среде применение одной и той же нормы права может влечь за собой принципиально разные последствия. Кстати, на это обращали внимание еще российские философы и юристы второй половины XIX века (Н.Я. Данилевский[8] и др.), идейным наследием которых впоследствии воспользовались евразийцы. На новом витке истории – неоевразийцы.

Из этих в общем-то очевидных и даже тривиальных выводов вытекает ряд вопросов, на которые человечество, похоже, не дает ответа. В их числе – как наладить институциональный контроль за тем, когда надо применять норму права в пограничных ситуациях, а когда нет. Что делать для регулярной корректировки нормы права, чтобы ее своевременно адаптировать к постоянно меняющимся потребностям и эволюции человеческого общества. Как к решению этих задач должны подходить национальное государство, наднациональные структуры, международное сообщество. Могут ли они действовать самостоятельно, в одностороннем порядке или же только скоординированно[9].

Возможности и подводные камни адаптации нормы права или ее понимания к меняющимся условиям

Реагируя на уроки обоих кризисов, человечество занялось работой по исправлению ошибок и перекосов в экономике и праве, пойдя дюжиной принципиально разных или в чем-то схожих путей – речь ведь шла о выживании когда человечества, когда интеграционных объединений, когда национальных хозяйственных механизмов. Первый из них – вроде бы, единственно правильный, к тому же наиболее традиционный[10]: изменение законодательства[11].

Виноватыми в почти случившемся крахе мировой экономики были объявлены банки. Иначе говоря, они были назначены «козлами отпущения». Заслуженно – незаслуженно, значения не имеет. Соответственно в рамках G20 договорились о том, что нужно для защиты мировой и национальной экономик от системообразующих банков и других финансовых учреждений-бегемотов. На национальном и наднациональном – повсюду, в США и ЕС, законодательно установили повышенные требования к устойчивости банков, вынудив их резко увеличить расходы на самих себя. Пересмотрели нормы пруденциальности. Заставили поделиться отпавлявшимися ими ранее функциями, запретив им заниматься некоторыми типами операций, связанных с повышенным риском, в прежнем виде. Ввели дополнительный внешний контроль за их деятельностью[12].

Второй путь – столь же древний, как само человечество: ничего не делать, не делать, что не надо, или отменять то, что было придумано раньше. По итогам законотворческого ража вокруг

крупных банков, выяснилось, что все они, кто сразу, кто после «дополнительного пинка», справились с поставленными перед ними задачами. Стресс-тесты они все прошли (хотя и в отношении «предыдущей войны», т.е. устойчивости к кризисным явлениям прошлого образца). Но своей системности не утратили. Однако главное – почти перестали вкладывать в реальный сектор экономики, поскольку им стало не до этого. Плюс начали проигрывать в конкурентной борьбе за клиентов всем тем, кто не был связан по рукам и ногам новейшим регулированием.

Проще всего сделали в США. Потеснив демократов в Конгрессе, республиканцы первым делом отменили принятое теми законодательство, спеленывавшее банковский сектор. В ЕС пошли по несколько более сложному пути. Здесь взялись за переналадку плохо работающего общего рынка капитала, связанную частично с отменой наднационального регулирования, вредящего банковскому сектору, частично с его заменой на более подходящее[13]. Цель – обеспечить повсюду в регионе равный доступ к кредитам и выход на рынок новых игроков[14]. (Спрашивается, в чем смысл прекрасного, самого передового в мире законодательства ЕС, которое ни первого, ни второго не обеспечивает...)

Третий путь – лучшая иллюстрация «творческого подхода» к максиме о господстве права. После обновления властных институтов ЕС в 2014 г. Европейская Комиссия пошла на более гибкое толкование Пакта стабильности и порядка осуществления политики жесткой экономии. Италия, Франция, Испания, Греция – все получили поблажки по срокам выхода на нормативные показатели дефицита бюджета взамен на согласие твердо придерживаться курса реформ и кто индикативно, кто императивно выверять его с Брюсселем[15]. Очень интересный и отнюдь не инновационный подход к норме права, в данном случае наднационального. Называется «релятивизацией» нормы – одними. Поиском новой легитимности – другими[16].

С одной стороны, все, вроде бы, обязаны ей следовать. Но к соблюдению надо только стремиться. Это стремление демонстрировать или имитировать. Нарушением его несоблюдение, с общего согласия, временно и произвольно больше не является. Само же исполнение превращается в горизонт. Государства-члены к нему рвутся, а оно все отдалекается и отодвигается.

Любопытное отношение к праву. Вместо того, чтобы привести закон в соответствие с действительностью, его сохраняют как Дамоклов меч, занесенный над государствами. Вместо адаптации закона к изменившейся реальности меняют отношение к требованию соблюдения и наказанию за нарушение.

Приведем другой весьма показательный пример, связанный с практикой ЕС. После того как конфликт на Украине и вокруг нее достиг своего пика, руководство интеграционного объединения и государств-членов признало, что соглашение о глубокой ассоциации с ней полно изъянов, отложило на год его введение в силу и, дабы найти развязки, приступило к трехсторонним консультациям в формате ЕС-Россия-Украина (на чем Москва настаивала, кстати, задолго до того, как случилось «обострение»)[17]. Однако ограничилось лишь видимостью демонстрации доброй воли, и не на какие уступки не пошло. Результат известен.

Еще пример — теперь из практики США. По американскому законодательству оказывать финансовую и другую помощь режимам, свергнувшим законную власть (признаваемую Вашингтоном) путем военного переворота, запрещено. В Египте, после страшного

эксперимента с уступкой власти от светского режима братьям-мусульманам по итогам «арабской весны» и под давлением извне и его абсолютно безупречной демократической легализации, как раз он и произошел. Американцы просто не стали квалифицировать его в качестве военного переворота, и всё. Аплодисменты.

Международно-правовая революция в области налогообложения и нравственных начал ведения бизнеса

Самым интересным и перспективным оказался четвертый путь. На вопрос о том, для чего все реформы, G20, США, ЕС, Китай, Россия и остальные решили, что, с одной стороны, конечно, для повышения эффективности государственного регулирования и поддержания политической стабильности. С другой – для того, чтобы у государств при сокращении бюджетных расходов вследствие затягивания поясов и движения к сбалансированности бюджетов было больше денег для осуществления социально-экономического, инвестиционного и инфраструктурного маневра.

Дополнительные деньги можно получить двояким способом. Один из них – продажа госсобственности. Его прописали, в частности, Греции. Второй увеличение налогов и налогооблагаемой базы. Чем чревато увеличение налогов, и как оно на самом деле бьет по национальной экономике, убедительно показали скоропалительные эксперименты со своей собственной страной социалистического президента Франции Франсуа Олланда. Весомая часть бизнеса, богатых и много зарабатывающих людей предпочли перебраться туда, где обходятся без экспериментов. Капиталовложения во французскую экономику утратили привлекательность. Франция, будем надеяться, ненадолго в еще большей степени превратилась в «больного человека» Европы. Тяжеловеса региона с наиболее сильными макроэкономическими дисбалансами[18].

А вот борьба с уклонением от налогов, оптимизацией налогооблагаемой базы, с банковской тайной и офшорами оказалась «золотой жилой». Во главе нового «крестового похода», как и положено, встали Соединенные Штаты. С помощью ФАТКА, под угрозой отлучения от доступа на американский рынок и к американским платежным системам, они заставили всех, в первую очередь европейских союзников, подписать с ними два типа соглашений об автоматической передаче им всей информации о финансовых авуарах своих граждан – либо централизованно, либо от каждого банка в отдельности. Их примеру с радостью последовал Евросоюз. Сейчас процесс автоматической передачи банковских данных, означающий полный отказ от банковской тайны, вступает в завершающую стадию интернационализации[19].

Гораздо быстрее состоялось решение об автоматическом обмене информацией об индивидуальных налоговых соглашениях («текс рулингх») – это когда бизнес договаривается с принимающим государством, сколько налогов, за что и как он будет платить, а оформляется все разъяснением от уполномоченных государственных структур по всем этим вопросам в рамках действующего законодательства. После скандала с «Люксликсом» – рассекречиванием информации о налоговых сделках по итогам масштабного международного журналистского расследования[20] Брюссель разработал и провел через властные структуры интеграционного объединения соответствующую директиву (закон, требующий достижения определенного

результата по прошествии переходного периода) в рекордные сроки[21].

В плане пресечения оптимизации налогооблагаемой базы к стадии практической реализации подготовлены международные решения G20, ОЭСР, ЕС и т.д. о том, что бизнес будет платить налоги с фактической деятельности в тех странах, где она осуществляется. Таким образом, будет поставлен заслон на пути переброски отчетности в те юрисдикции, которые предоставляют максимальные налоговые послабления. В том числе на пути пока абсолютно законной практики, когда бизнес ведется по всему свету, а дивиденды акционерам выплачиваются в тех юрисдикциях, где с них вообще не взимаются налоги. Пальцем ни на кого указывать не будем. О ком идет речь, всем хорошо известно. Особенно в России.

Все указанные меры, позволяющие государствам реально взимать налоги вопреки всем попыткам большого бизнеса, вообще бизнеса, просто богачей их от него прятать и соответственно намного больше расходовать на социальные цели и стимулирование экономического роста, являются колоссальным шагом вперед. Со всех точек зрения - морали, нравственности, справедливости, интересов общества, прогрессивного развития. Это то, что нужно. То, что отвечает высшим идеалам «свободы, равенства, братства». Это самая настоящая революция в области регулирования экономики. Внедрение начал морали в деятельность бизнеса. Колоссальный сдвиг в отношениях между бизнесом и обществом. Поэтому все новшества, идущие в данном направлении, заслуживают самой твердой и горячей поддержки.

Это, как бы, само собой. Вопрос в другом. Значит, еще недавно система хозяйствования и в национальном, и в глобальном масштабе была откровенно варварская. Грабительская. Аморальная. Как и обслуживающая ее система международного права. И эта подлая, низменная, слов не хватает какая модель обогащения богатых за счет бедных и в страновом, и в международном разрезе подавалась нам на протяжении десятилетий в качестве верха совершенства. Образца для подражания. Вершины развития общества. Того, как должна функционировать «настоящая империя», подлинно демократическая, построенная на постмодернистских принципах[22].

Это именно такое общество по наивности, близорукости и незнанию заимствовала молодая демократическая неопытная Россия, покончившая у себя с тоталитарным строем, однопартийностью и плановой экономикой! Не в этом ли корни той дикости в распределении доходов, функционировании государства и общества, которую мы получили в дар от «благородного» Запада. С доходами и состояниями, вывезенными в офшоры, и нищетой тех, кто всю свою жизнь «пахал» на благо некогда общей страны.

В прошлом такая антисоциальная модель (выдаваемая, кстати, за социально ориентированную экономику), дающая полную свободу рук национальному капиталу и служащая его доминированию на мировых рынках, вполне устраивала национальные элиты. Рассматривалась как вполне естественная. Нормальная. Даже оптимальная.

Когда глобальный и последующие кризисы поставили экономику и общество на грань выживания и потребовали передачи государству прежних функций управления и перераспределения, для отправления которых нужны деньги, все изменилось, как по мановению волшебной палочки. Модель узаконенного неравенства, воровства и увода состояний и прибылей из-под налогообложения была отправлена под нож.

Сейчас мы присутствуем при родах новой модели. Похоже, несколько более честной и ответственной перед обществом. Только удастся ли поставить ее на службу населению планеты, или это просто «передел» финансовой ренты, сказать пока сложно.

Происходящую трансформацию государства, права и общества в данном конкретном случае можно определить как безусловный прогресс. Как движение от совсем плохого и жлобского к чему-то более порядочному и разумному.

Попытка контрреволюционного переворота в области права войны и мира

В общем международном праве чуть ранее была предпринята другая попытка не менее масштабной смены парадигм. Только со знаком минус, а не плюс.

Устав ООН и базирующееся на нем международное право зиждется на нескольких «заповедях»[\[23\]](#). Они систематизированы в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о принципах международного права. Их современное прочтение закреплено в Хельсинкском акте ОБСЕ. Их стержень – суверенное равенство государств, невмешательство во внутренние дела, запрет на применение силы и буквально еще несколько[\[24\]](#). Заповедях, которым придан императивный характер. За которыми такой характер признается.

Императивный расшифровывается как имеющий преимущественную силу по сравнению с текущим международным законодательством в форме универсальных международных конвенций, многосторонних и двусторонних соглашений и прецедентов, создаваемых практическими действиями участников международного общения в случае их достаточно четко выраженного одобрения всеми или большинством государств. Если последние противоречат императивной норме, они могут быть признаны недействительными или ничтожными.

Таким образом, что очень важно, такой краеугольный принцип международного права, как “*pacta sunt servanda*” (договоры должны соблюдаться) не носит императивного, абсолютного характера. Если и когда соглашение противоречит императивной норме международного права, оно, по совести, не должно соблюдаться.

Из неприменения силы Устав ООН намеренно делает два изъятия, указывая одновременно, что любые другие являются незаконными. К их числу относятся самооборона по ст. 51 Устава ООН[\[25\]](#) и принудительные меры, санкционируемые Совбезом ООН в целях поддержания международного мира и безопасности и пресечения их нарушения. Общее международное право уточняет, основываясь на авторитете Устава ООН, что по решению Совета Безопасности к ситуациям нарушения международного мира и безопасности могут быть приравнены геноцид, этнические чистки и другие массовые нарушения прав человека, когда, например, власти ведут войну против своего собственного населения, а также акты международного терроризма. Несколько более уклончиво оно трактует ситуации нарушения предписаний СБ ООН о прекращении ядерных программ и программ освоения ракетных технологий. Следовательно, из принципа невмешательства во внутренние дела также сделаны очень конкретные изъятия.

Однако если только речь не идет о самообороне, абсолютно во всех остальных случаях полномочия быть единственным законным судьей в деле Устав ООН и общее международное право вверяют Совету Безопасности. Любые вооруженные действия, которые не были освящены резолюцией СБ ООН, констатирующей нарушение международного мира и безопасности, являются международными преступлениями, преступлениями против мира и человечности. Вот так строго, и никак иначе[26].

Но в 1990-х годах, сразу после самоликвидации социалистического лагеря, страны НАТО предприняли вполне логичную и оправданную, с их точки зрения, попытку ревизовать Устав и общее международное право в этом отношении своими практическими действиями, не внося в них пока текстуальные изменения, т.е. минуя общепринятые процедуры формирования обычной/договорной нормы международного права. Новшеств, к которым они стремились, было всего два.

Первое - к нарушению международного мира и безопасности приравнивали также вопиющие нарушения демократических устоев общества. Второе - право на восстановление международного мира и безопасности, якобы нарушенных таким образом, признавалось за НАТО, его отдельными членами и международными коалициями единомышленников под их эгидой. Суть этих новшеств состояла в том, что полномочия выносить оценку той или иной внутригосударственной и/или международной ситуации и действовать согласно тому, как она квалифицируется, передавались от СБ ООН Вашингтону и Брюсселю.

На теоретическом уровне воплощением этих устремлений стала концепция продемократической интервенции (подхваченная первоначально общественным мнением в ее более нравственной форме «гуманитарной интервенции»), на короткий промежуток времени поддержанная даже Россией и ее праволиберальным правительством. Воплощением на практике - поощрение распада Союзной Югославии в той форме, которую она приняла, провоцирование вооруженных конфликтов и затем такое их урегулирование, при котором на Балканах остались бы только несамостоятельные, зависимые государственные образования. Апофеозом - бомбежка Белграда.

Когда все еще только начиналось, один из нас был представителем России в Пражском механизме ОБСЕ по урегулированию конфликтов в формате старших должностных лиц. Раз за разом мы собирались и в соответствии с духом и буквой Хельсинкского акта подтверждали территориальную целостность Союзной Югославии. Однажды съехались, чтобы еще раз это сделать, но есовцы под давлением Германии сломали консенсус. С этого уже на уровне прямого нарушения основополагающих норм Хельсинки и действующего международного права началась череда событий, закончившаяся большой кровью на Балканах и в других регионах планеты, охлаждением, а затем и нынешней трагической заморозкой отношений по прежнему разлому между Востоком и Западом.

С учетом ее одиозного характера концепция продемократической интервенции, активным проводником которой под видом «гуманитарной интервенции» и до, и после того как он стал министром Франции, был Бернар Кушнер[27], была заменена на концепцию «ответственности за защиту». По сравнению с предыдущей ей был придан намного более респектабельный характер, вполне приемлемый для всех участников международного общения. Ведь то, что за «ответственностью» прячется все то же стремление насаждать демократические порядки в

других странах и свергать неугодные режимы и правителей, не бросалось в глаза. Этот мессианский посыл был в ней закамуфлирован.

Поэтому в той части, которая не противоречила действующему международному праву, Москва могла бы ее поддержать. Камнем преткновения оставался механизм принятия решений. Вокруг него и развернулась борьба между виднейшим российским политическим деятелем Е.М. Примаковым, вошедшим в состав ооновского комитета мудрецов от России, и другими ее членами, которым было доверено подготовить предложения, направленные на повышение эффективности ООН. Е.М. Примаков, читай Россия, настаивал на том, что любые насильственные действия могут и должны предприниматься только по решению Совета Безопасности. Его оппоненты всячески стремились провести иную мысль – о том, что нет, если СБ ООН оказывается парализованным, если он не готов оперативно вмешаться, его функции автоматически передаются тем, кто готов. Главное, мол, – положить конец тому, что вызывает потребность в «защите».

В результате никакие организационные моменты практического применения концепции «ответственности за защиту», якобы дополняющие Устав ООН и общее международное право, согласованы не были. Оформления в документах ООН они не получили. Продвинуться с легализацией концепции западным странам при поддержке остальных стран ОЭСР не удалось[28]. А после того, как все народы мира на примере Ливии убедились, к каким катастрофическим последствиям ведет волюнтаризм в использовании резолюций СБ ООН, говорящих совсем о другом, и концепции, в ее нелегитимном характере сомнений не осталось.

К ней с подозрением относится весь мир (в части, разрешающей что-либо НАТО и самоназначенным международным коалициям). Или даже еще более негативно[29]. Против ее одностороннего и произвольного применения единым фронтом выступают Россия и остальные страны БРИКС[30]. Бразилия даже предложила дополнить концепцию «ответственностью за вмешательство», возлагающей на тех, кто применяет силу на территории иностранного государства, обязанность устранять материальные последствия таких действий и восстанавливать разрушенное[31].

Юридическим основанием для каких-либо действий в обход ООН концепция «ответственности за защиту» так и не стала. Современное международное право выдержало натиск. Оно действует в прежнем виде, как того и требует Устав ООН[32]. Обвинения России и Китая в том, что они подрывают сложившийся миропорядок, посягают на международное право, стремятся взять реванш или переиначить его в свою пользу – типичный прием информационной войны, когда все перекладывается с больной головы на здоровую.

Тем не менее, концепция «ответственности за защиту» не сдана в архив. Прибегать к ней в одностороннем порядке будут и дальше. Пока мы не договоримся о том, чтобы ввести ее в цивилизованное русло, т.е. согласовать с действующим международным правом. Подтверждением тому служит вооруженная поддержка т.н. умеренной оппозиции режиму Башара Асада в Сирии. Однако поскольку там смешано все, что только можно – борьба с «Исламским государством», самооборона, боевые действия по просьбе законного правительства – юридическая оценка происходящего в Сирии и в связи с ней требует очень большой разборчивости и осторожности (подробнее см. ниже).

Международное право «а ля карт»

«Удобным», хотя и весьма сомнительным, методом корректировки и адаптации международного права показало себя «выборочное» применение его положений. По нашей классификации, это шестой путь. Повод для его использования дает то, что всегда, на протяжении всей истории человечества, международное право одновременно бьется над решением двух прямо противоположных задач[33]. С одной стороны, оно выполняет охранительную функцию. Ему важно уберечь сложившееся статус-кво. В этом плане оно сугубо консервативно. С другой – оно призвано давать путевку в жизнь новому. Способствовать изменениям. Помогать их легитимации.

Наиболее сложный случай – внутренний конфликт между принципом территориальной целостности государств (сохранение статус-кво) и правом наций на самоопределение (легализация новой государственности)[34]. Примирить их почти невозможно. Насколько невозможно, указывают все провалы Ближневосточного урегулирования. Однако ведущие мировые игроки и международное право всегда пытались. Когда с большим успехом. Когда с меньшим. Обязательный элемент решения дает Хельсинкский акт. Им устанавливается, что все принципы международного права должны пониматься и применяться с учетом друг друга и в свете друг друга.

Косовский прецедент, однако, сослужил нам всем очень плохую службу. Он вызывал эффект домино в отношении волюнтаристского применения только одной группы принципов международного права в ущерб другой. Применительно к Косово, обосновывая в Международном Суде ООН свои правовые подходы, которые он фактически поддержал[35], американцы и англичане разъясняли, что национальные конституции и национальное законодательство, освящающие территориальную целостность государства и квалифицирующие сепаратизм в качестве уголовно наказуемого преступления, не препятствуют реализации права на самоопределение. Если бы было иначе, самоопределение стало бы просто невозможным[36].

В случае с Грузией, Южной Осетией и Абхазией они, тем не менее, заняли прямо противоположную позицию абсолютизации территориальной целостности. Аналогичным образом поступили с ситуацией, сложившейся в отношении Крыма и всего конфликта на Украине и вокруг нее. Хотя очевидно, что противоправное применение вооруженной силы, государственный переворот и ничем не скрываемое намерение лишить население базовых международно признаваемых прав и свобод создают ситуацию радикально изменившихся обстоятельств, которые ставят под сомнение все (!) прежние обязательства в отношении нелегитимной власти и государства, в котором она утвердилась.

Но ведь дело не только в этих конкретных случаях, когда ведущие мировые игроки отстаивают разнонаправленные решения. Дело в том, что таких ситуаций десятки. Право на самоопределение, конечно же, есть у шотландцев. Допустив проведение референдума о выходе из состава страны, Лондон его официально признал. У Квебека, жители которого высказались на своем референдуме за то, чтобы не противопоставлять себя канадской государственности. У каталонцев, хотя правительство Испании и его Конституционный суд, ссылаясь на

действующее законодательство (сравни с заключением Международного Суда), им в нем отказывает. У курдов, несмотря на то, что по конституции Турции они считаются турками, и Анкара ведет против них такую же операцию силового усмирения, как и в 1980-х годах, за что по делам того времени Турция была уже сотни и тысячи раз осуждена Европейским судом по правам человека. А в Ираке и Сирии они по факту пользуются широкой автономией, граничащей с независимостью. Формально же мировое сообщество жестко настаивает на территориальной целостности обоих государств. Пока.

Оборотная сторона «выборочного» подхода к принципам международного права, когда территориальная целостность вопреки всему абсолютизируется, – фактическая индальгенция Азербайджану на то, чтобы решать конфликт вокруг Нагорного Карабаха с применением вооруженной силы. Аналогичным образом в соответствии с ним у континентального Китая оказывается карт-бланш на поглощение Тайваня, что бы население последнего ни думало по этому поводу. Видимо, государства, чисто из конъюнктурных соображений прибегающие к нему, не отдают себе в этом отчет. А надо бы.

Поэтому-то российские эксперты и политики так убеждали США и ЕС не открывать «ящик Пандоры»: не давать возможность Косово провозгласить свою независимость, не спешить с признанием, не уведомлять заранее, что оно, конечно же, последует. Сейчас Брюссель дожимает Белград, заставляя его, ценой окончательного национального унижения, тоже признать Косово и поставить тем самым точку в этой трагедии, а также в фарсе с правами сербов в данной части бывшей Союзной Югославии. Но будет поставлена точка здесь, полыхнет в другом месте.

Мы тогда (по крайней мере, на исполнительском уровне) предлагали и натовцам, и есовцам договориться о системе правил, конкретизирующих право на самоопределение. Во избежание. И для упорядочения. Другой вариант – проработать перспективу территориальных разменов. Третий – подумать над использованием концепции государствообразующих наций, как в Швейцарии, во многом снимающей проблему межнационального противостояния (которая, кстати, ой как пригодились бы на Украине).

Ни на одно из предложений содержательного отклика не последовало. Проще ведь идти проторенным путем. Упрямо продавливать свои подходы, не обращая внимания на их вопиющие несообразности. Добиваться своего любой ценой, пользуясь имеющимся превосходством. А потом удивляться, почему это опробованное в одном месте воспроизводится при других обстоятельствах и в других уголках планеты^[37].

Может быть, когда дойдет черед до нормализации отношений между Россией и ЕС на принципиально иных основах, чем в прошлом, все-таки договориться о том, какими конкретными условиями обставлять на практике реализацию права наций на самоопределение. Или, напротив, договориться о том, что время самоопределения вплоть до отделения и обретения независимой государственности прошло. Колесо истории повернулось. На повестке объединение наций в политически и экономически более состоятельные и устойчивые образования. А не наоборот. Тоже вариант.

Звонит ли колокол по универсальным началам международного права

Седьмой путь – фрагментация международного права, его регионализация или же решение задач универсализации через проецирование вовне более частных подходов и правил поведения. Он тоже не без изъянов. Дабы даже теоретически стали возможны интеграция интеграций или выбор в пользу приоритета сотрудничества над конкуренцией, необходимо, чтобы на региональном и национальном уровне воздерживались от мании величия и не ставили национальное и наднациональное право выше международного. Тем не менее, и донныне последующее федеральное законодательство США стоит выше международных соглашений. В ЕС с начала 2000-х гг. примеривают на себя правовые схемы[38], ставящие внутренний публичный и правовой порядок выше нормы международного права и международных обязательств[39].

Символом разрыва с универсальным подходом к регулированию столь важной части человеческой деятельности, как международная торговля, становятся сегодня договоры о мегарегиональных торговых и инвестиционных партнерствах[40]. Они отнюдь не подмога правилам ВТО, не средство подтолкнуть к нахождению универсальных подходов, как уверяют их адепты[41]. В обоих случаях – и с ТТП, и с ТТИП речь идет фактически об их подмене общим стандартом, который принимают участники партнерств, и их навязывании всем остальным.

Возможно, ТТП и ТТИП станут прорывом в международно-правовом регулировании, по сравнению с неоспоримо весомыми достижениями ВТО[42]. Кто знает. Но у любого прорыва есть положительные и отрицательные стороны. В данном случае тоже[43]. Чтобы минимизировать негативные последствия, крайне нужна инклюзивность – подключение к консультациям третьих стран и проработка вариантов притирки друг к другу различных правовых режимов.

Восьмой путь – дополнение жесткого, обязательного международного права мягким правом, индикативным регулированием. Это все очень гибкие формы. Скорее даже, не право – а выбор в пользу определенного типа поведения, когда следование договоренностям дает преимущества, но ни к чему по большому счету не обязывает. В отношениях между Россией и ЕС мягкое право не сработало. На нем была построена перспектива построения общих пространств и программа «Партнерство ради модернизации». Сработает ли оно как инструмент решения климатических проблем и обеспечения устойчивого развития с его 17 основными целями, еще предстоит увидеть.

Очевидно одно: всё в большей степени мировые процессы и международные отношения регулируются не только международным правом, но и мягким правом, региональным правом, интеграционным и национальным с элементами экстратерриториальности. В своей совокупности они образуют международную регулятивную систему. Она, похоже, теперь подменяет совокупность и целостность права[44].

Хорошо это или плохо – в какой-то степени праздный вопрос. Речь идет ведь не об оценке явления, а констатации того, что в мире складывается, вернее, уже сложилась новая правовая реальность. В распоряжении человечества более разнообразный международно-правовой инструментарий. Теоретически он создает предпосылки для более уверенного движения вперед. Позволяет преодолевать препятствия, о которые споткнулось бы традиционное

международное нормотворчество. Открывает широкие возможности вариативности и т.д.

Вместе с тем, подобное развитие, подобные гибкости могут камуфлировать отсутствие подлинного согласия. Они ослабляют пресс, когда у государств нет иного выбора, как только принимать на себя реальные обязательства, пользуясь судебной защитой. Но главное – чреватая фрагментацией международного права. Возникновением международного права с различной геометрией. Появлением соблазна у самых разных государств выстраивать иерархию принимаемых на себя обязательств в соответствии со своими предпочтениями, а не твердыми предписаниями жесткого права.

Выход напрашивается сам собой. По всей видимости, прогрессивного развития собственно международного права уже недостаточно. Оно не решает всех проблем. Необходимо ставить вопрос о прогрессивном развитии всей регулятивной системы и системном отношении к ней.

Оборотной стороной нарастания гибкости международного права является девятый путь – прагматическая двусмысленность. Всегда были уверены, что знаменитая поговорка «закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло» является чисто российской придумкой. Она родилась в исключительных, специфических российских условиях. Выступает отражением присущего только нашей стране правового нигилизма. Но друзья-переводчики нас переубедили. Они отыскивали аналогичные пословицы и в других европейских языках, начиная с французского. Правда, там для пояснения относительности права в большей степени используются фаллические сравнения или образы.

То, что это так, подтверждает современная практика. На всех уровнях все политики и эксперты, за исключением имеющих юридическое образование, сетуют на деградацию международного права, на то, что оно стало жертвой геополитического противостояния^[45]. Причем на Западе вину возлагают на Россию, Китай, Иран, Турцию, Индию, Пакистан и т.д. (в зависимости от тематики). В России, хотя бы в связи с тем, о чем говорилось выше, – на США, НАТО, ЕС и их государства-члены.

Вместе с тем, что опровергает подобные суждения, ни одно государство в мире не позволяет себе восставать против международного права или отрицать его. Какие бы действия ими ни предпринимались, США, НАТО, ЕС, Китай, Россия, Украина и др. неизменно обосновывают свою позицию и свои действия ссылками на международное право. Что бы ни происходило, они продолжают заявлять о своей приверженности международному праву (якобы в отличие от остальных). Однако, используя врожденную гибкость международного права (см. выше) и то, что единый центр его толкования отсутствует, обосновывают их, давая несовпадающее или даже прямо противоположное толкование нормы международного права.

Сошлемся снова на Косовский прецедент^[46]. Свой курс на признание независимости Косово США и ЕС оправдывают правом наций на самоопределение, утверждая, что принцип территориальной целостности в данном конкретном случае неприменим. Он перестает быть применимым правом в связи с преступлениями режима Милошевича против косоваров, а также тем, что Косово длительное время находилось под международным управлением, меняющим статус Косово как интегральной части Сербии.

Москва настаивает на прямо противоположном подходе, указывая, что международное право

должно применяться в гораздо более широком контексте. Необходимо учитывать многие другие положения международного права и иные факторы. В том числе, внутреннего и внешнего порядка. Ведь в историческом и территориальном плане Косово является колыбелью сербской цивилизации. В Косово компактно проживает сербское население, не желающее превращаться в бесправное, притесняемое, ненавидимое меньшинство. Оно за то, чтобы оставаться в составе Сербии. Мы обязаны гарантировать и их интересы в рамках общего урегулирования.

Важно выйти на урегулирование, а не санкционирование извне односторонних мер. Определяющее значение для нашего понимания ситуации должно иметь то, что все заверения, будто бы Косовский эпизод не создает прецедента, фальшивы. Конечно, создает. Замороженных конфликтов много. Ничего архиспецифичного в ситуации с Косово нет. Если только не то, что эта территория была отторгнута от суверенного государства иностранными державами (!). Приднестровье, Северный Кипр, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, другие территории многие годы живут фактически как независимые государства. Народы этих территорий пострадали от вооруженного насилия со стороны условно титульной нации. Без каких-либо сомнений и в их отношении, если так сложатся обстоятельства, решение по Косово будет иметь прецедентное значение. Перед тем как открывать «ящик Пандоры», надо взвесить все возможные последствия и потом не делать вид, будто вас не предупреждали.

После войны в Закавказье, последовавшей после попытки режима Михаила Саакашвили вернуть себе Южную Осетию вооруженным путем и нападения на российских миротворцев, Москва воспользовалась для обоснования признания независимости Южной Осетии и Абхазии всей своей и западной аргументацией по Косово[47]. Западные партнеры поменяли ее на противоположную. Они жестко настаивают на территориальной целостности Грузии в прежних границах вопреки всему тому, что произошло, и Косовскому прецеденту. Но суть в том, что и в этом случае объявляют свой подход единственно правильным и возможным прочтением действующего международного права.

С этой точки зрения, независимость и затем воссоединение Крыма с Россией стали повторением пройденного, даже с учетом всех специфических элементов исторического и конъюнктурного положения Крыма в треугольнике отношений между ним, Москвой и Киевом. Только, конечно, если мы признаем, что в Киеве произошел государственный переворот, и у новых нелегитимных властей были совершенно конкретные планы в отношении Крыма.

По поводу игр с гибкой интерпретацией международного права не менее показателен пример с теми юридическими схемами, которые придумывались и/или используются применительно к событиям в Ираке, Сирии, Афганистане. Пропускаем обоснование американского вторжения в Ирак[48]. Впоследствии все признали, что предлог был сфабрикован. Но это произошло после изменения правовой реальности в стране. Понимая, что в интересах всех легитимировать ситуацию в ней, а не сохранять беззаконие, СБ ООН принял резолюции, направленные на ее стабилизацию. Со своей стороны, Соединенные Штаты адекватно легализовали пребывание своего военного контингента на территории Ирака. Созданное ими национальное правительство официально обратилось к Вашингтону с просьбой ввести его. Тем самым вопрос о предыдущих откровенных нарушениях международного права по ложным основаниям был закрыт. Сейчас международная коалиция воюет в Ираке против запрещенного в России

«Исламского государства» по приглашению законного правительства. С юридической точки зрения, этого вполне достаточно.

В отношении Афганистана чуть раньше тоже была использована стандартная схема легализации присутствия сил НАТО в стране. Единственно для оправдания ввода войск был использован п. 5 Североатлантического договора о солидарности в случае нападения на одно из государств Альянса. Дальше как обычно: новое правительство – приглашение плюс серия резолюций СБ ООН. Сейчас, однако, ООН сталкивается с проблемой легитимности продолжающегося присутствия США в Афганистане в качестве международной силы. Мандатом ООН оно больше не закрывается. Остальные страны свои войска вывели. Проблема была бы решена, если бы представители НАТО отчитались о выполнении (или невыполнении) предыдущей миссии, и СБ ООН определил модальности новой.

С Сирией всё гораздо запутаннее. Российские войска находятся там по приглашению законного правительства. С точки зрения международного права – полный порядок. По мнению умеренной антиасадовской оппозиции, террористических формирований и стоящих за ними держав, не совсем, поскольку они требуют ухода Б.Асада. То есть, бьют по источнику легитимности.

Для военных и паравоенных действий на территории Сирии всех остальных нужна резолюция СБ ООН. Однако они стремятся обойтись без нее, прикрываясь законностью цели борьбы с «Исламским государством» и международным терроризмом. Об этом резолюции есть. К тому же национальное законодательство благословляет международное сотрудничество в борьбе с терроризмом. Насколько такая аргументация уязвима, можно даже не говорить. Достаточно напомнить, что сирийское правительство квалифицировало одностороннюю переброску американских советников на территорию страны понятным образом: как нарушение всего букета норм международного права.

Франция попыталась использовать для обоснования бомбардировки территории Сирии и авиаударов по объектам «Исламского государства» в Сирии иной подход. Президент и правительство заявили, а законодательная власть поддержала их, что Франция находится в состоянии войны (!) с международным терроризмом. Совершением террористических актов в Париже он объявил ее. Причем понятием «война» во французской интерпретации описывается не только этот единичный случай, но и необходимость нейтрализации джихадистов-граждан Франции, как воюющих в Сирии на стороне ИГ, так и возвращающихся на родину.

Таким образом, Париж использовал одновременно два различных обоснования: помимо права на самооборону и прецедента с ответом США, НАТО и ООН на террористическую атаку против Америки, также и логику борьбы со своими собственными гражданами. С позиций классического международного права, логика откровенно спорная, на что властям неоднократно указывала оппозиция, да и собственные юристы-международники. Но ей нельзя отказать в целостности. Ведь и внутри страны французы объявили чрезвычайное положение (попутно поменяв законодательство) и приостановили действие Европейской конвенции о защите прав человека. Хотя многие в ЕС и считают, что они «перебарщивают» и, вообще, «скатываются к авторитаризму»[\[49\]](#).

Игры вокруг фундаментальных свобод личности

По факту получается, что права человека оказываются еще одним – десятым треком приспособления международного права к вызовам современности. Теоретически защита прав человека и основных свобод представляет собой один из наиболее эффективных способов сближения правовых и социальных систем разных стран, построения единого пространства традиций, ценностей, общего понимания того, каким мы хотели бы видеть человеческое общество.

Однако она может быть безусловно позитивной в этом отношении, только если рассматривается всеми государствами-участниками в качестве полигона для равноправного сотрудничества, сотворчества, перехода к столь же тесному инклюзивному взаимодействию во всех других областях. А не пробы сил между различными юрисдикциями[50]. Если все они согласны с тем, что участники общей международной (европейской) системы защиты прав человека – Россия, ЕС, третьи страны просто по определению не могут быть противниками, действовать в конфронтационном ключе, существовать в разной системе координат.

Парадоксальность нынешней ситуации в Европе заключается в том, что международное сотрудничество в области защиты прав человека удается сохранять, несмотря на то, что взаимодействие во всех других областях между Россией и ЕС серьезно ограничено. Это очень большой плюс. Колоссальное завоевание. Несомненный успех. Свидетельство того, что ничего цивилизационного в конфликте между Россией и ЕС по поводу Украины нет.

Его бы беречь как зеницу ока. Делать все для того, чтобы не поставить его под сомнение. Предотвращать любые поползновения его ослабить и подорвать. Однако в реальной жизни мало что подчиняется разумным императивам. В политическом плане площадка прав человека была использована в качестве одного из инструментов информационной войны, удобного орудия, потребовавшегося, чтобы представить Россию в виде абстрактного зла и антипода западной демократии.

В содержательном – наши партнеры все больший акцент стали делать на ультралиберальном прочтении классического набора прав человека, вызывающем, в том числе, эрозию традиционной семьи, с чем российскому обществу особенно трудно согласиться. Чисто в юридическом – настаивать, что эволюция подхода к тому, как понимаются те или иные права человека в группе стран, многих странах или их большинстве, должна влечь за собой аналогичную эволюцию во всех других государствах-участниках Европейской системы защиты прав человека.

Судебное нормотворчество в определенных условиях очень полезно. Нужно. Необходимо для поддержки позитивных изменений в обществе. Но оно имеет пределы[51]. Оно должно быть фундаментально предсказуемым и не превращаться в политическое действие[52]. Оно не должно подменять усилия государств по совместной модернизации международного права, поскольку только такая модернизация обеспечивает совместное участие, сотворчество, инклюзивность. Нельзя, чтобы оно антагонизировало государства до такой степени, что они принимаются создавать у себя внутренние институциональные фильтры на пути применения международных судебных решений. Именно это, к сожалению, произошло в отношениях между Россией и Европейским судом по правам человека и общеевропейским органом по

контролю за исполнением государствами своих международных обязательств, включая, исполнение решений Страсбургского суда - Комитетом министров Совета Европы[53].

Еще один трек - одиннадцатый: рутинизация одностороннего применения всякого рода санкций, также отрицающих и извращающих базовые права человека. Об этом написано очень много. Ограничимся поэтому буквально несколькими замечаниями.

Односторонние санкции бьют по международному праву больше всего. Они ломают общие правовые режимы. Превращают международное право в регулятивную систему с разной геометрией. Подрывают действие императивного принципа международного права - принципа международного сотрудничества. А ведь он - суть всего международного права.

Односторонние санкции всегда страдают субъективизмом. Волюнтаризмом. Имеют слабое основание в праве. Если вообще имеют. Релятивизируют международное право, как ничто другое.

Во имя торжества здравого смысла

Наверное, достаточно для заключительного вывода. Наше общество меняется. Быстро. Стремительно. Системно. Международное право должно адаптироваться, следовать за изменениями и опережать их. Управлять ими. Полностью законный метод - посредством переговоров, согласования воли государств, заключения новых, желательно, универсальных международных договоров. На созываемых специально для этого форумах или в рамках международных организаций[54]. А не так, как отражено выше в нашем анализе.

С этой точки зрения, нынешнее противостояние Вашингтона и Брюсселя с Москвой является полной аберрацией. Театром абсурда. Преградой к гораздо более мирному, благополучному и динамичному будущему. Утратой ориентиров, когда стороны разучились не только понимать, но и разговаривать друг с другом[55].

Россия, несмотря ни на что, занимает последовательно конструктивную позицию по самой широкой международной повестке. По контролю за соблюдением договоренностей, связанных с иранским ядерным досье. Климатической проблематике. Устойчивому развитию. Борьбе с международной преступностью и международным терроризмом и т.д.

Все исследованные выше паллиативные методы ведут нас в никуда. От них надо уходить и системно возвращаться к нормальному международному сотрудничеству на всех уровнях и во всех областях. Говоря языком ООН, это нужно во благо будущих поколений.

*© Марк ЭНТИН, профессор МГИМО МИД России
Екатерина ЭНТИНА, доцент НИУ ВШЭ*

[1] С чем на полном серьезе согласились участники очередных российско-немецких Шлангенбадских бесед, на которых на это раз обсуждались, в том числе, некоторые из анализируемых ниже животрепещущих проблем современного международного права и правоприменения - Schlangenbader gesprache/Шлангенбадские беседы, 19-ая встреча, «Германия и Россия: к новой перезагрузке?», Кранихштайн, 28-30 апреля 2016 г.,

организованная Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации, Москва и Франкфуртским институтом исследований мира и конфликтов, Франкфурт в сотрудничестве с Институтом мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук и Представительством Фонда им. Конрада Аденауэра в РФ, Москва.

[2] Глобальный финансово-экономический кризис 2008 года: причины возникновения и последствия // www.cleverbankings.com/ejos-98-1.html

[3] Анализ ее последствий посвящено море литературы, но особенно эмоционально о них пишут исследователи пострадавших стран такие, как, например, преподаватель факультета экономики и управления Католического университета Порту Леонардо Кошту - Европейский экономист: Евросоюз нуждается в другой архитектуре // www.eadaily.com/ru/news/2015/08/02/evropeyskiy-ekonomist-evorsoyuz-nuzhdaetsya-v-drugoy-arhitekture

[4] IMF admits: we failed to realise the damage austerity would do to Greece // www.theguardian.com/business/2013/jun/05/imf-underestimated-damage-austerity-would-do-to-greece

[5] Paul Krugman. The austerity delusion // www.theguardian.com/business/ng-interactive/2015/apr/29/the-austerity-delusion

[6] Jonathan Harrison. Our knowledge of right and wrong - L., N.Y.: Routledge, 2013.

[7] Jeanne Lorraine Schroeder. The Four Lacanian Discourses: Or Turning Law Inside Out. - Abingdon, N.Y., L.: Birkbeck Law Press, 2008 // https://books.google.ru/books?id=naYcNlhbjlAC&pg=PA171&lpg=PA171&dq=positive+law+is+wrong&source=bl&ots=sjxz8g74eh&sig=RB4zY2cOqMgBMEl40AjmtQcR78Y&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=positive%20law%20is%20wrong&f=false

[8] Политические труды Н.Я. Данилевского // www.monarhiya.narod.ru/DNY/dny-list.htm

[9] Dunnof, J., Pollack, M. (eds) Interdisciplinary Perspectives on International Law and International Relations: The State of the Art. - Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

[10] Boyle, A., Chinkin C. The Making of International Law. - Oxford: Oxford University Press, 2007.

[11] Alvarez, J. International Organizations as Law-makers. - Oxford: Oxford University Press, 2005.

[12] Eric Helleiner, Stefano Pagliari, Hubert Zimmermann (eds) Global Finance in Crisis. The politics of International Regulatory Change. - Abingdon, N.Y., L.: Rutledge, 2010.

[13] Paul De Grauwe. Economics of Monetary Union. - Oxford: Oxford University Press, 11th ed., 2016.

[14] Jon Danielsson, Eva Micheler, Katja Neugebauer, Andreas Uthemann, Jean-Pierre Zigrand. Europe's proposed capital markets union: Disruption will drive investment and innovation // <http://voxeu.org/article/europe-s-proposed-capital-markets-union> (posted 23 February 2015).

- [15] Anti-austerity politics. Fudging the revolution. Italy and Portugal are leading a revolt against EU austerity, sort of // Economist, 2016, February 20th.
- [16] Vivien A. Schmidt. The Eurozone's Crisis of Democratic Legitimacy: Can the EU Rebuild Public Trust and Support for European Economic Integration? // Fellowship initiative 2014-2015 "Growth, integration and structural convergence revisited", Discussion paper 015, September 2015 // www.ec.europa.eu/economy_finance/publications/eedp/pdf/dp015_en.pdf
- [17] Win some, lose more. For all the celebrations in Kiev over ratifying the trade deal with Europe, it is the Russians who got most of what they wanted // The Economist, 2014, September 20th.
- [18] По классификации Европейской Комиссии - La situation économique de la France inquiète Bruxelles // BFM Business, 2016, 8 mars // www.bfmbusiness.bfmtv.com/monde/la-situation-economique-de-la-france-inquiete-bruxelles-957597.html
- [19] Dossier (par la redaction). Enterrement du secret bancaire: la fin de la prospérité Suisse? // www.monde-economique.ch/fr/posts/view/enterrement-du-secret-bancaire-la-fin-de-la-prosperte-suisse
- [20] Renaud Février. Luxleaks: le "tax ruling", comment ça marche // L'OBS, 6 novembre 2014 // <http://tempsreel.nouvelobs.com/economie/20141106.OBS4335/luxleaks-le-tax-ruling-comment-ca-marche.html>
- [21] [Cécile Barbière](#). Les Etats membres s'accordent sur la transparence des rescrits fiscaux // EurActiv.fr, 6 octobre, mise à jour 7 octobre 2015 // <http://www.euractiv.fr/section/euro-finances/news/les-etats-membres-s-accordent-sur-la-transparence-des-rescrits-fiscaux/>
- [22] Hartmut Behr, Yannis A. Stivachtis. Revisiting the European Union as Empire - Abingdon, N.Y., L.: Routledge, 2016.
- [23] Fitzmaurice, G. The General Principles of International Law Considered From the Standpoint of the Rule of Law // Recueil des Cours de l'Académie de Droit International, 1957, V. 92.
- [24] Anghie, A. Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. - Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- [25] Murray Colin Alder. The Inherent Right of Self-Defence in International Law. - Heidelberg, N.Y., L.: Springer Dordrecht, 2013.
- [26] Ушаков Н.И. Правовое регулирование использования силы в международных отношениях. - М., 1997.
- [27] Кристофер Колдвелл. Бернар Кушнер: неизвестная история «гуманитарной интервенции» (Источник: London Review of Books) // Русский Журнал // <http://www.russ.ru/pole/Bernar-Kushner-neizvestnaya-istoriya-gumanitarnoj-intervencii>
- [28] Вершиной ее международного одобрения так и остался Доклад 2004 г. Группы высокого

уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность», в котором сформулировано лишь самое общее пожелание: «Мы поддерживаем формирующуюся норму, предусматривающую, что существует коллективная международная ответственность за защиту, реализуемая Советом Безопасности, санкционирующим военное вмешательство в качестве крайнего средства в случае, когда речь идёт о геноциде и других массовых убийствах, этнической чистке или серьёзных нарушениях международного гуманитарного права, которые суверенные правительства не смогли или не пожелали предотвратить». Это же пожелание затем было воспроизведено в Докладе 2005 г. Генерального секретаря ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех». // www.un.org/russian/secureworld/a59-565.pdf и www.un.org/russian/largerfreedom/a59_2005.pdf В Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года, в частности, в пунктах 138 и 139, содержащихся в разделе, озаглавленном «Обязанность защищать население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности», все государства-члены признали ответственность каждого государства за защиту своего населения от этих преступлений. Они также были единодушны в том, что международное сообщество, действуя через ООН, обязано использовать соответствующие дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства в соответствии с главами VI и VIII Устава для того, чтобы содействовать защите населения от этих преступлений. Кроме того, было заявлено, что в тех случаях, «если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить свое население» от этих преступлений, все государства, «готовы предпринять коллективные действия, своевременным и решительным образом, через Совет Безопасности, в соответствии с Уставом, в том числе на основании главы VII, с учетом конкретных обстоятельств и в сотрудничестве с соответствующими региональными организациями».

[29] Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 312.

[30] Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова газете «Коммерсантъ» // www.fondsk.ru/news/2012/10/03/intervju-lavrova-gazetekommersant-03102012-16865.html

[31] Концепция «ответственность по защите». Заключение Международно-правового совета при МИД России // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/920>

[32] Международное право // <http://www.bibliotekar.ru/mezhdunarodnoe-pravo-1/19.htm>

[33] Crawford, J. Chance, Order, Change: The Course of International Law // *Recueil des Cours de l'Academie de Droit International*, V. 365, 2013.

[34] Он у всех на устах. Заслуженно. Как отмечает, например, Вардан Багдасарян: «Известна коллизия между правом народов (наций) на самоопределение и принципом территориальной целостности...» – Право народов (наций) на самоопределение. Цикл передач «Обретение смыслов». Выпуск №108 // <http://rusrand.ru/tv/meaning/pravo-narodov-natsij-na-samoopredelenie>

[35] Международный Суд ООН решил, что декларация о провозглашении независимости Косово не противоречит международному праву // Центр новостей ООН // <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=13923#.Vy5ZUPmLTb1>

[36] Резонансное заключение вызвало поток обстоятельных комментариев. Вот один из них.

Matthias Hartwig, Das Gutachten des Internationalen Gerichtshofs zur Unabhängigkeitserklärung des Kosovo: Vorgeschichte und «Urteils»kritik // Osteuropa-Recht, 2012, 11. Перевод: Маттиас Хартвиг. Консультативное заключение Международного Суда ООН по вопросу о декларации независимости Косово - предыстория и критика судебного «постановления» // <http://docplayer.ru/3482-Konsultativnoe-zaklyuchenie-mezhdunarodnogo-suda-oon-po-voprosu-o-deklaracii-nezavisimosti-kosovo-predystoriya-i-kritika-sudebnogo-postanovleniya.html>

[37] Маргелов: парламент Крыма правомерно ссылается на косовский прецедент // <http://ria.ru/world/20140311/999044654.html>

[38] Matej Avbelj, Filippo Fontanelli, Giuseppe Martinico (eds) Kadi on Trial. A Multifaceted Analysis of the Kadi Trial - Abingdon, N.Y., L.: Routledge: Routledge Research in EU Law, 2016.

[39] Lorand Bartels. The EU's Human Rights Obligations in Relation to Policies with Extraterritorial Effects // European Journal of International Law, 2014, V. 25. P. 1071-91.

[40] Julien Chaisse, Tsai-yu Lin (eds) International Economic Law and Governance. Essays in Honour of Mitsuo Matsushita. - Oxford: Oxford University Press, 2016.

[41] A. Narlikar, M. Daunton, R. Stern (eds) The Oxford Handbook on the World Trade Organization. - Oxford: Oxford University Press, 2012; Cottier, T., Elsig M. (eds) Governing the World Trade Organization: Past, present and beyond Doha. - Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

[42] Gregory Messenger. The Development of World Trade Organization Law. Examining Change in International Law. - Oxford: Oxford University Press, 2016.

[43] The TTIP of the spear. Selling Europe's trade agreement with America as "strategic" has problems // The Economist, 2015, October 17th.

[44] Идеи системы международно-правового регулирования развиваются, в частности, в Berman, F. What Does "Change" Mean? International Law vs. the International Legal System // Austrian Review of International and European Law, 2003, No. 8.

[45] Barbara Stark (ed) International Law and Its Discontents. Confronting Crises. - Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

[46] Эксперты комментируют: Громыко, А. Ящик Пандоры vs Волшебная лампа Алладина; Кандель, П. Станет ли Косово «состоявшимся» государством?; Язькова, А. Возвратиться в правовое поле; Шишелина, Л. Растревоженный улей соседей ...; Федоров, С. Косовское окно в Европу для Франции; Швейцер, В. Проигрывают все; Фурман, Д. «Парад суверенитетов» в переделе мира; и др. // <http://www.ieras.ru/pub/gromyko/2.pdf>

[47] Аванесян, А.А. Влияние Косовского прецедента на судьбу Абхазии и Южной Осетии // Теория и практика общественного развития, 2013, № 9 // <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kosovskogo-pretседenta-na-sudbu-abhazii-i-yuzhnoy-osetii>

[48] G. John Ikenberry, Thomas J. Knocj, Anne-Marie Slaughter, Tony Smith. The Crisis of American Foreign Policy: Wilsonianism in the Twenty-first Century. - Princeton: Princeton University Press, 2009.

[49] Jean Quatremer. La derive autoritaire de la France inquiete Bruxelles // Liberation, 28 janvier, mise a jour 29 janvier 2016 // <http://www.bruxelles.blogs.liberation.fr/2016/01/28/la-derive-autoritaire-de-la-france-inquiete-bruxelles/>

[50] Oddný Mjöll Arnardóttir, Antoine Buyse. Shifting Centres of Gravity in Human Rights Protection: Rethinking Relations between the ECHR, EU, and National Legal Orders - Abingdon, N.Y., L.: Routledge, 2016. 208 p.

[51] Kooijmans, P. The ICJ in the 21st Century: Judicial Restraint, Judicial Activism, or Proactive Judicial Policy // International and Comparative Law Quarterly, 2007, V. 56.

[52] Higgins, R. "Speech by HE Judge Rosalyn Higgins, President of the International Court of Justice, at the solemn sitting on the occasion of the sixtieth anniversary of the inaugural sitting of the Court // ICJ Press Release, 2006, April 12.

[53] Пауль Калиниченко. Новый потенциал Конституционного суда // Legal.Report, 2 марта 2016 // <https://legal.report/novyj-potencial-konstitucionnogo-suda>

[54] Alvarez, J. International Organizations as Law-makers. - Oxford: Oxford University Press, 2005.

[55] Quantum of silence. Europe and Russia no longer know how to talk to each other. That is dangerous // The Economist, 2016, April 23rd.